

10 АПР. 43

Б. РОМАШОВ

ОСТРОВСКИЙ И РУССКИЙ ТЕАТР

Театр Островского — острое явление русской культуры. Прав был Гончаров, когда писал великому драматургу: «Только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский национальный театр... Мы воочию видим и слышим исконную, истинную русскую жизнь в бесчисленных животрепещущих образах, с ее верным обликом, складом и говором».

Глубоко зная жизнь, Островский черпал материал для создания своих героев из самых разнообразных общественных слоев, и глубоко неверно было бы называть его «бытописателем купечества» («Колумбом Замоскворечья»), как это делала когда-то критика. Ещё Добролюбов писал, что: «Островский умеет заглядывать в глубь души человеческой, умеет отличать натуру от всех извне принятых уродств и паростов» и «типы комедий Островского нередко заключают в себе не только исключительно купеческие или чиновничьи, но и общенародные черты».

Прозрачная «глубь души человеческой» со всеми тончайшими оттенками показана Островским с необычайным мастерством. Ему удивляешься не меньше, чем сатирическому дару Островского-медиаграфа. Его живописное мастерство и поразительное умение, проявляемое в самой легкой характеристике, обогатили русский комический театр целой галлерей типических образов. Все эти Юсовы, Мурзавецкие, Гурмыжские, Хлыновы, Подкалюзины, Коршуновы и множество других олицетворяют собой то страшное прошлое, от чего освободился народ в своей исторической борьбе. Островский умел противопоставить им фигуры честных людей, страдающих от насилия и произвола, протестующих против несправедливости, чей благородный голос звучит надеждой и призывом. И не к Юсовым ли обращается благородный бедняк, бродяга актер Несчастливцев со своей отповедью: «Вы комедианты, шуты, а не мы...».

Горячая любовь к народу и вера в народные силы создают полнокровный оптимизм драматургии Островского. Богатство душевных качеств его положительных героев озарялось тем светом, который исходил из глубины русского народного духа, из героической истории великого народа, от его поэзии, с ее чудесными формами фантазии и вымысла, от его музыки, сказаний и песен, от обрядовой культуры, от прекрасной русской природы... Островский недаром бродил в березовом лесу, овеваемый поэтическими мечтами, недаром восхищался до слез бескрайними просторами волжского плёса, недаром узнавая древними русскими героическими сказаниями и летописями, претворяя их в драматической форме. Создатель «Снегурочки», «Сна на Волге», исторических хроник видел в богатстве русской народной фантазии, в творчестве народа, в русской истории тот могучий и вольнолюбивый характер, который вселял глубокую веру в его историческое будущее... Русский человек рабом не будет. Он

всегда умел побеждать своих врагов. Он любит свою родину, чудесную русскую землю, полную неисчислимых сокровищ. Он — вольного духа, молодецкой повадки. Он добр и мягок душой и мечтателен, но стоит ему только подняться да выпрямиться — и горе его обидчику!

В своей драматургической и театральной деятельности Островский устанавливал программу огромной значимости, рассчитанную далеко вперед, чутко угадывая будущее.

«Театр, — говорил он, — с честным художественным, здоровым народным репертуаром, развивает народное самопознание и воспитывает сознательную любовь к отечеству». Созданию пьес для такого театра он посвятил всю свою жизнь и весь свой богатырский талант.

Казалось, что он пишет с поразительной лёгкостью, а на самом деле это было далеко не так. Островский был чрезвычайно трудолюбив. Разумеется, богатый жизненный опыт помогал ему в осуществлении своих замыслов, но его высокое мастерство выработалось не сразу. Будучи человеком широко образованным, Островский был знаком в подлинниках с произведениями мировой драматургии, он переводил Платва и Шекспира, Сервантеса и Гольдони.

Создавая русскую национальную школу драматургии, Островский боролся с пошлятиной и драмодельством за высокую нравственную направленность драматического репертуара.

Нелегко приходилось Островскому в борьбе за русский репертуар. Поражаешься его необыкновенной крепости духа, стойкости его характера. Он, по собственному признанию, никогда не терял «своего геройства». А было от чего приходиться в уныние! Бюрократическая система «императорских» театров, угодничество и туфля чиновников, ведавших театральным делом, цензура, запершая его лучшие создания, материальная необеспеченность, страсти к «заграничному», к «западному», столь свойственное вкусу, диктовавшему свои законы и на театре, — много было такого грубого, отталкивающего в тогдашней действительности, что заставляло бы опустить руки иного художника и деятеля в его борьбе с рутинной и бюрократизмом... Но не таков был А. Н. Островский. Вот уж подлинно и в его характере сказались лучшие черты русского человека: упорство в достижении цели, глубокая вера в правоту своего дела, оптимизм и нравственная устойчивость...

Работая без устали и получая за свои пьесы гроши, Островский, часто изнемогая от усталости, готовя пьесу к бенефису того или иного актёра, находил время и для широкой общественной работы. Он знал, что как ни велико значение написанных им пьес для русского театра, а двигать дело по созданию репертуара нужно всем сообща. По его инициативе образовалось Общество русских драматических писателей и оперных композиторов, которое должно было,

по его мысли, «сделаться средоточием нравственного воздействия на писателей в интересах развития репертуара».

В своём драматургическом творчестве Островский был чрезвычайно разносторонен. Он разработал почти все драматические жанры. В его пьесах, прекрасная живопись которых не блекнет от времени, а делается всё свежее, всегда удивляешься и сочному, непревзойденному по гибкости языку, и широте кисти, охватывающей многосторонний характер, и стройности построения, и ловкости театрального эффекта, а главное, — тонкому умению придать непрерывное движение раскрытию образа, словно цветок распускается на твоих глазах...

Этим мастерством Островский обязан не только своему огромному таланту и большой культуре, но и своим непрерывным связям с лучшими актёрами своего времени и с театром. Островский не мыслит для нас вне этих органических отношений. Он черпал изумительный жизненный материал, создавал новые образы и тем самым способствовал развитию и расцвету плеяды блестящих актёров, таких, как Пров Садковский, Шумский, Мартынов, Самойлов, Васильев, Стрельцова. Но и актёры, несомненно, помогали ему в углублении этого непревзойденного умения. Он знал актёрскую технику, наблюдал её и пользовался ею.

Трогательная дружба Островского с актёрами своего времени и глубоко поучительна, точно так же, как его близость к театру. Ведь он часто был и режиссёром своих пьес и почти всегда толкователем их для актёров. И этого права раскрытия общего замысла и отдельных образов Островский никому не уступал. Но он имел на это право, благодаря превосходному знанию театра, благодаря тому, что соединял в себе и поэта русской жизни, и мастера русского театра.

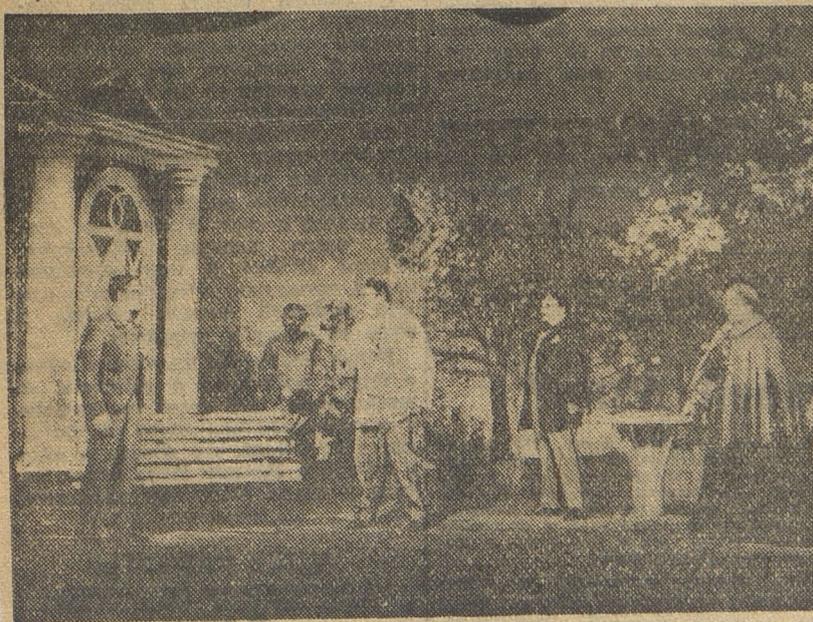
Рассказывают, что когда Островский хлопотал с проектом устройства русского национального театра и к нему обращались с вопросом, кто же будет писать пьесы для театра, он, подумав, отвечал: «Ну, моих пьес еще лет на пять-десять хватит». Современники приписывали это самомнению «замоскворецкого Шекспира», но история подтвердила прогноз драматурга и даже внесла в него существенные поправки. Его пьесы живут и сей час, мало того, на них еще много можно поучиться и нам, драматургам, и актёрам, и зрителю.

И советский зритель, та «свежая публика», о которой мечтал Островский, с наслаждением смотрит его народные комедии и драмы, и хохочет, и плачет, и переживает их коллизии, оживающие на сцене во всей их жизненной полноте, и смеётся над уродливыми сторонами прошлой жизни с гордым сознанием, что, хотя всё это было, да уничтожено, сметено, свалено на веки вечные. Иная пошла жизнь и люди иные, но дорого им и близко волнение чувств, стремление русского человека к справедливости в тех общественных условиях, когда кривда составляла законы и держала народ в кабале. Полезно оглянуться на своё прошлое, чтобы оценить по-настоящему новую лучшую жизнь, чтобы укрепиться в борьбе за неё, ещё сильнее ощутить любовь к своей родине, к своему народу, проникнуть в глубину его души, творческим духом его напитаться, утвердиться в сознании своей национальной гордости и ещё сильнее ненавидеть врагов своей великой родины...

Любовь к отечеству и гордость за свой народ с неослабной силой будит в нас театр Островского.

Этой высокой задаче посвятил всю свою творческую деятельность наш великий русский драматург. В своей заключительной «Записке об устройстве русского национального театра в Москве» он писал: «Только те произведения пережили века, которые были истинно народными и себя дома...»

В наши суровые дни борьбы с немецкими варварами мы с особой гордостью вспоминаем имя одного из славных наших патриотов, основоположника русского национального театра — А. Н. Островского.

«Правда хорошо, а счастье лучше» А. Н. Островского на сцене Малого театра. Действие III, явление 10-е.